

Елена Ворон

Любить своего врага

Известно, что может сделать с обычным человеком женщина-эршелла. Захочет — убьет силой собственной ярости. Пожелает — поработит его волю. А может стать женой и рабыней, подчинившись ему без остатка. Только для этого надо очень сильно его любить.

Я улыбнулась мужу. Честно: я любила его тонкое, красивое лицо, большие серо-зеленые глаза, светлые вьющиеся волосы... его внимательность, заботливость, надежность. Да, конечно, я его любила. За то, что он больше прочих походил на эршелла.

Я отродясь не встречала мужчин из своего народа. Отец погиб, отвлекая на себя полицейскую погоню. Цена была высока, зато матери удалось сбежать с планеты, носящей гордое и горькое имя Эршелла. Вскоре родилась я. Мать скиталась по разным мирам, выдавая нас обоих за обычных, не *измененных* людей. Потом я стала скитаться одна, когда мать умерла на Маргарите от какой-то местной болезни, от которой всем делали прививки в детстве, а беглянкам-эршелла, разумеется, — нет. Народу эршелла запрещено покидать свою родину. Мы — *измененные*. И мы чрезвычайно опасны.

Эд поднял бокал:

— За тебя.

— За наше путешествие, — ответила я с улыбкой. — Чтобы рейс не задержали, чтоб мы без приключений долетели... и благополучно вернулись.

Эд поморщился. Он терпеть не мог дальние перелеты — да что греха таить: попросту их боялся. И то, что он затеял свадебное путешествие с родной Мелинды на блистательную Доминику с короткой остановкой здесь, на захолустной Клементине, было подвигом.

— Я люблю тебя, — шепнула я.

— А я тебя — еще больше, — шепнул он в ответ.

Шептаться было не обязательно. В ресторане космопорта, где мы коротали время в ожидании рейса на Доминику, было малоллюдно, и ничьи любопытные уши не поворачивались в нашу сторону. Зато я ловила восхищенные взгляды. Кто из мужчин не заметит красавицу, смоделированную под женщину-эршелла? Сильное, гибкое тело, бронзовый загар, ярко-зеленые глаза, роскошные золотистые кудри, золотой лак на ногтях — точь-в-точь эршелла, какой она представляется людям других миров.

Я гордилась собой. Умно — маскироваться под экзотический образ, будучи самой настоящей

эршелла. Волосы приходилось подкрашивать, чтобы сделать их потусклее, сверкание глаз гасили цветные линзы, золотой лак скрывал золотые же ногти, а великолепные зеленые камни лла, доставшиеся от матери, скромно вели себя в серебряной оплетке. Это я недавно придумала — укрыть приметные камни в серебре и затем свободно носить серьги, кольцо и перстни эршелла. Мать до умопомрачения боялась, что однажды при очередном досмотре в космопорту ее разоблачат, и все же не решалась расстаться с сокровищем... с оружием эршелла.

А я, по глупости, не боялась. Даже имя себе взяла вызывающе-дерзкое — Шелла Эрш. Правда, в удостоверении личности я значусь как Полин Натали Сукк, рожденная на богом забытой Полине, где находится законсервированная военная база. Я и вправду там родилась, а заместитель начальника службы внутренней безопасности Антонио Сукк обеспечил мать необходимыми документами. Порабощенный мужчина сделает для женщины-эршелла что угодно.

Ресторан, приютивший нас с Эдом, был так себе: матово светящиеся стены, «умные» зеркала, которые приукрашивают отражения посетителей, стойки с искусственными цветами. Однако за окнами открывался чудесный вид на предгорья. Пологие холмы переливались иссиня-зеленым,

сизым, лиловым, сиреневым — вся гамма местной травы, мелкого кустарника и мхов. Дальше стояли горы. Снежные вершины сияли на солнце, а ниже склоны были синими, с густой прозеленью. Я слышала, что горы на Клементине — ее главное сокровище, приманка для ценителей редкостной красоты и таинственных приключений. Жаль, что рейс на Доминику так скоро, и мы с мужем ничего не успели посмотреть, кроме скучной столицы.

Кажется, Эд думал о том же. Он смотрел вдаль, на горы, а в уголках губ притаился намек на улыбку. Мне вдруг отчаянно захотелось во всем признаться. Выложить разом, что я — *измененная*, эршелла, преступница. Что моя мать — дважды преступница, ибо не просто покинула родную планету, а еще и воспользовалась своим даром *измененной*, подчинив себе человека. Что сама я никогда-никогда не пушу в ход собственный дар, Эд может не сомневаться. Конечно же, он все поймет, он будет гордиться женой-эршелла...

Вздор. Опасный бред. Пока муж ничего не знает, его нельзя считать соучастником моего преступления. Хоть и невелик грех — стремление жить на свободе, без патрулей в каждом переулке, без облав, проверок, допросов, запугиваний, издевательств. Однако закон есть закон. Моему народу нет места нигде, кроме превращенной в тюрьму Эршеллы.

Эд даже не представляет, насколько я ему благодарна. Пусть он не подозревает обмана, пусть считает меня ветреной кокеткой, которая привлекает взоры броской красотой про клятого остальным человечеством народа. Но он стал мне мужем, приютил под крылом, дал ощущение безопасности и покоя. Оплатил путешествие на сказочную Доминику, продумал маршрут, заказал номера в отелях, места в театрах, на круизном лайнере, в какой-то древней крепости... Спрашивается, зачем нужны места в крепости? Эд загадочно улыбался: сюрприз.

Что ж, я никого не убью, не превращу в раба. Однако я могу стать женой, как принято у эршелла. Кто-то назвал бы это добровольным рабством. Чепуха. Я всего лишь хочу иступленно любить своего избранника, раствориться в нем, как умеют растворяться только эршелла, хочу дарить ласки и радости, неведомые другим, обделенным, людям. Да, я, Шелла Эрш, готова воспользоваться своим даром. И это — не преступление!

В мыслях мелькнуло: а заслужил ли Эд бесценный подарок? Обычный человек — разве он достоин? Да; разумеется, да. Он — самый внимательный, самый любящий, понимающий... все равно лучше его никого нет.

Я собралась, сосредоточилась; мать успела кое-чему научить. Подчиняя, направляешь свою

внутреннюю силу на другого, подчиняясь, обращаешь ее на себя. Как будто лупой собираешь солнечный свет и наводишь горячий лучик на то, что хочешь поджечь.

Я старалась изо всех сил. Внутри как будто собрался тугий жгучий ком, мир перед глазами раздвоился, затем качнулся и поплыл по кругу, в голове зазвенело, сердце пустилось вскачь, воздуха не хватало. Еще минута — и я стану женой своего мужа, как должно настоящей эршелла.

— Остановись, — велел над ухом властный мужской голос. — Не делай глупостей, Шелла Эрш.

Я вздрогнула, едва не опрокинув бокал. Кружащийся мир остановился, звон утих, только сердце отчаянно колотилось. Кто вмешался? Взгляд по сторонам. Соседние столики пусты, чуть дальше воркует влюбленная парочка, два предпринимателя увлеченно обсуждают будущую сделку, в дальнем конце зала — тихая компания каких-то сумрачных типов. Не они. Может, Эд? Он — услышал мысли? Он — эршелла?!

Муж оторвал взгляд от снежных вершин за окном и вяло ковырнул вилкой в салате:

— Дорого, а есть невозможно. Одно слово — захолустье. На Доминике все будет по-другому, вот увидишь.

Я перевела дыхание. Если не Эд, то кто?

— Что ты всполошилась? — он заметил мою

тревогу. — Что-то не так?

Все и вправду стало не так: я увидела черно-белую форму службы безопасности. Мужчина в годах, седой, загорелый, темноглазый, уверенной походкой направлялся к нашему столику. Это же по мою душу — по душу беглой эршелла.

«Рональд Ринг», — значилось на бэйджике с эмблемой космопорта. Судя по выражению лица и осанке, Рональд Ринг — не простой охранник. Екнуло сердце: он вообще не обычный человек, он — *измененный*. По телу прошла сладкая дрожь, и закованные в серебро камни лла оживились, блеснули зеленым из-под ювелирной оплетки. О-о. Ринг больше, чем *измененный*.

— Начальник службы безопасности космопорта, — представился он. — Мне необходимо поговорить с вашей женой, эр Эдвард. Конфиденциально. Прошу пройти со мной, эр Шелла.

Звучит-то как — эр Шелла! Знала бы, что на Клементине принято вежливое обращение «эр», — не заявила бы себя как Шеллу, прибыла как Полин Натали.

— Позвольте, а в чем, собственно, дело? — Эд возмущенно привстал.

— Это конфиденциально, — внушительно повторил начальник службы безопасности. — Эр

Шелла, прошу, — он указал на дверь ресторана. — Эр Эдвард, подождите здесь.

Я как будто превратилась в пух, который подхватило ветром и понесло к выходу.

«Умная» зеркальная дверь отразила нас обоих. Я смотрела на Ринга; зеркалу не было нужды его приукрашивать. Немолодой, но поджарый и гибкий, как дикий зверь. Волосы белее снега, темные линзы глушат сверкание глаз, шоколадный загар маскирует золотистую кожу, ногти то ли обесцвечены, то ли удачно покрашены. Эршелла. Свой! Хотелось завизжать от восторга.

Когда Ринг открывал передо мной дверь, я увидела отражение мужа. Растерянный Эд сидел за столиком и крутил в руках вилку.

Мы поднялись на один этаж по служебной лестнице, затем Ринг отворил какую-то дверь и отступил, пропуская меня внутрь.

Я шагнула через порог, внутренне замирая от счастья.

За окном виднелись те же иссиня-зеленые, сизые, лиловые и сиреневые холмы и заснеженные горные вершины, что я видела из ресторана. В скромном кабинете был рабочий стол, на нем — экран работающего компа, еще один экран во всю стену, сейчас отключенный, и несколько кресел для посетителей — или для подчиненных.

— Присаживайтесь, эр Шелла.

Я угнездилась в кресле. Вот бы Ринг сел совсем рядом. Так хочется ощутить его тепло, перенять его уверенность, почувствовать себя защищенной от всех напастей на свете...

— Эр Шелла, будьте осторожны.

Начальник службы безопасности прислонился к стене, скрестил руки на груди. Я прямо-таки чувствовала, как ему хочется подойти ближе, коснуться меня, привлечь к себе, обнять крепко-крепко. Нельзя. У него кольцо на руке — женат. И я замужем. О Проклятые Высшие, у меня же есть муж!

— Я буду осторожней дикой кошки, — я вымучила улыбку. Все бы отдала за объятия, которые соединят навек со своим. За это жизни не жалко.

Под темными линзами блеснули глаза. Без линз полыхнули бы так, что последний тупица признает эршелла.

— Эр Шелла, вас не учили скрывать свои мысли?

Меня бросило в жар. Нет, не учили. Мать была уверена, что в чужих мирах мы не встретим других беглых эршелла. А больше никто наши мысли читать не способен. В общем, с Рингом получилось ужасно неловко. Через силу, я опять улыбнулась:

— Можно не отвечать, эр Рональд?

— Можешь, девочка, можешь, — проговорил он мягко.

От этой мягкости, сочувствия, нежности перехватило горло. Несказанное счастье — быть с тем, кто тебя понимает. Со своим. *С измененным*. С эршелла.

— Вот что я хотел сказать вам, эр Шелла. — Ринг сделался отстранен и серьезен. — За последний стандартный год я подметил некую странную вещь. Вы — шестая... м-м... путешественница, кто через Клементину направляется на Доминику. Конечно, всем известно: Доминика блистательна, притягательна и во всех отношениях непревзойденна. Но, — Ринг поднял указательный палец, подчеркивая важность своих слов, — до сих пор ни одна из ваших предшественниц не вернулась. Они остались там, все пять. Вы, несомненно, знаете: Доминика — конечная точка Большого Трансгалактического Пути, с нее есть путь назад только через Клементину. Через наш — мой — космопорт. И ни одна из... м-м... женщин, привлечших мое внимание, не появилась здесь снова.

Я похолодела. Целых пять женщин-эршелла побывали на Клементине. Слишком много, чтобы считать это совпадением или удачей. Все улетели на Доминику — и остались там. Против воли?

— Их... ловит полиция? — слова дались

мучительным усилием; голос сделался тихий и хриплый.

— Нет, эр Шелла, — проговорил Ринг бесстрастно. — Я наводил справки. Их не задерживали официально, женщины просто исчезли. Следы потерялись... в элитных увеселительных заведениях. Я считаю своим долгом вас предупредить.

— Кто... — я задохнулась, — кто их сопровождал?

Ринг повел плечом, словно извиняясь за дурные вести.

— Одна летела с женихом, четверо — с мужьями. Вскоре после свадьбы.

С мужьями, после свадьбы! Как и я. Отнялись кончики пальцев, потемнело в глазах.

Ринг горько и зло усмехнулся.

— Четверо мужчин вскоре покинули Доминику; я смотрел списки транзитных пассажиров. А один из мужей все еще там. Как мне сообщили, он внезапно разбогател.

Я была сражена. Нетрудно представить, что ожидает женщину-эршелла в элитном борделе с первоклассной охраной. Не помогут ни камни-убийцы, ни способность поработать. Эршелла сама станет рабыней, послужит охочим до экзотики богатым клиентам — и вскоре погибнет.

— Вы полагаете, будто мой муж намерен

продать меня в раб...

— Я этого не утверждаю, эр Шелла, — перебил Ринг. — Он может искренне заблуждаться, считая Доминику подходящим для вас местом. — Судя по тону, он был уверен в преступном умысле Эда.

Я вскипела:

— Не смейте его обвинять!

Закованные в серебро кристаллы чувствительно ужалили уши, шею и руки, из-под оплетки сверкнули зеленые лучики. Камни лла всегда готовы убивать — стоит лишь потерять от бешенства голову.

«Остынь, дура!» — приказала я сама себе.

«Успокойся», — прозвучал в голове повелительный голос Ринга. Настоящему эршелла нет надобности открывать рот, чтобы его слышали свои.

— Успокойся, — повторил он вслух, гораздо мягче. — Девочка, послушай меня, — Ринг порывисто шагнул вперед и сел на корточки, глядя на меня снизу вверх; в глазах под темными линзами полыхало зеленое пламя. — Я не знаю, везет ли тебя муж на продажу. Эдвард — не *измененный*, и я его не слышу. Но даже если он ни при чем, слишком велика вероятность, что на Доминике тебя похитят. Не стоит так рисковать. Я не могу сам отправиться с тобой, а любую иную охрану легко

подкупить. Ты стоишь огромных денег... даже если просто выдать тебя властям.

Ну да. Больше всего человечество боится Проклятых Высших, а после Высших — эршелла. Нас отлавливают, за наши головы назначают вознаграждение. То и дело звучат призывы испепелить нашу планету, выжечь весь народ подчистую, заодно припугнув остальных *измененных*. Пока что здравый смысл побеждает... Пока.

— Девочка, — не удержавшись, Ринг взял мои руки в свои; меня охватило ощущение безмерного счастья. — Я понимаю: свадебное путешествие, Доминика — сказка наяву и все такое. Откажись. Объяви мужу, что ты напугана слухами о подпольных борделях, работоторговле и прочих прелестях этого злачного места. Билеты еще не поздно вернуть; ну, потеряете часть денег. Твоя жизнь стоит дороже. — У него вдруг сел голос. — Эр Шелла, счастье мое...

Ринг поднес мою руку к губам; пальцы, только что онемелые, отнявшиеся, сладко обожгло поцелуем. Теряя остатки самообладания, я наклонилась к нему, прижала его голову к груди, содрогнулась от наслаждения, какого раньше и представить себе не могла.

— Чужое, краденое счастье, — горько прошептал — или подумал? — Ринг. — Шелла,

прости. Нельзя. — Он отстранился, поднялся на ноги. Зачем-то признался: — Ты — первая, с кем я заговорил.

Первая из эршелла, конечно. Даже в собственном кабинете начальник службы безопасности не решается произнести это слово.

Я встряхнулась, с трудом избавляясь от наваждения. Вымучила жалкую улыбку:

— Я вроде бы замужем. А ты как будто женат? И все не по нашим обычаям, верно?

Ринг молча кивнул. Правильно: он не позволил мне сделаться женой и рабыней Эда, а сам... Какую клятву приносит мужчина-эршелла, когда берет в жены женщину из своего народа? Мать не рассказывала, а больше не у кого было спросить. Скорей всего, не знала этого и жена Ринга. Ведь она из обычных людей, не иначе. Принес ли он ей свою клятву?

— Нет, — ответил он глухо. — Моя клятва ей не нужна. Не доступна.

— Жаль, — искренне ответила я. Перевела дыхание, напустила на себя холодноватую любезность. — Благодарю вас, эр Рональд. Мы с мужем возвратимся домой. Когда ближайший обратный рейс?

Ринг глянул на экран компа на рабочем столе. Брови огорченно сошлись над переносьем.

— Ближайший рейс — через шесть минут.

Вам не успеть, а задержать вылет без веских причин я не могу.

— А следующий?

— Через двенадцать суток. Впрочем, есть возможность нанять частника.

Я представила себе испуг Эда. Он и большие лайнеры не уважает, опасаясь глубокого космоса, а тут — мелкий частник. Да бедняга просто умрет, едва поднявшись на борт. Нет, это нам не годится. Я повернулась к окну; сияющие в синеве снежные шапки манили чистой белизной.

— Я слышана о красоте здешних гор. И о таинственных приключениях для туристов. Вы посоветуете какой-нибудь горный отель, эр Рональд?

— Только в случае, если вы поссоритесь с мужем.

Я вообразила, будто он думает составить мне компанию в отеле. Обрадовалась, потом возмутилась, затем вспомнила, что он слышит мои мысли, рассердилась было — и наконец развеселилась, глядя на его мягкую улыбку.

— Эр Шелла, обратитесь в туристическое агентство; у нас их всего три. Вам предложат горный маршрут на выбор и проводника из местных. Эти ребята — *измененные*. И с очень непрытыми обычаями. Поэтому я бы не советовал брать на маршрут спутника-мужчину. Могут

возникнуть ненужные трения, сложности...

— Эр Рональд! Вы намекаете, что на маршруте богатые бездельницы устраивают оргии с проводником?

— Ни в коем случае. Наоборот...

— Что-о?! Проводники устраивают оргии с мужьями бездельниц?

Он рассмеялся. Слушая его негромкий, бархатистый смех, я отчаянно жалела, что у меня есть бестолковый нудный муж, а у Ринга — недотепа-жена. Как бы сбросить этот никчемный груз, освободиться от условностей и обязательств?

Ринг оборвал смех и проговорил, не глядя на меня:

— Эр Шелла, не искушайте. Мне так же хочется запретного, как и вам. Однако мы оба понимаем: нельзя. Нам с вами не должно предавать своих... своих близких.

Он был прав: у эршелла не принято предавать.

Пытаясь замять новую неловкость, я спросила:

— Так что там с проводниками, эр Рональд?

— Обратитесь в агентство, — повторил он, внезапно как будто угаснув, утратив пламя в глазах и в душе. — Вам все объяснят.

Пора было уходить, но не хватало сил подняться и шагнуть за порог.

— Эр Рональд, я вот подумала... — Я

откровенно тянула время. — Быть может, если я когда-нибудь разойдусь с мужем... Как по-вашему, есть ли смысл вернуться на родину? Политика политикой, но ведь можно быть счастливой в семье.

— Там нет счастливых, эр Шелла, — сухо возразил начальник службы безопасности. — Об этом открыто не говорят, но информация просочилась. В питьевую воду там добавляют препараты, которые гасят... м-м... способности местного населения. Люди утрачивают свою *измененность* и превращаются в обычных. Даже не в обычных, а в ущербных.

— Травят целый народ? — я не поверила собственным ушам. — *Измененный* ? Созданный Высшими?!

— Именно так. Уничтожается творение Высших, причем безвозвратно. Поэтому есть смысл забыть о возвращении туда и побережь себя здесь. Прощайте, эр Шелла. Вас ждет супруг.

Я поднялась на нетвердые ноги. Пришла новая мысль, как еще хоть на миг задержаться.

— Эр Рональд, скажите: если нас так боятся, так ищут и ловят... почему мы путешествуем с планеты на планету и не попадаемся? Ведь досмотр в космопорте — дело серьезное. Отчего нас не опознают?

По правде говоря, я и раньше задавалась этим вопросом — и полагала саму себя чрезвычайно

ловкой и удачливой. А оказалось, что за год целых пять эршелла проследовали через Клементину. Их не задержали ни при вылете с Мелинды, ни здесь, ни по прибытии на Доминику.

— Есть силы, заинтересованные в том, чтобы одно из творений Высших не было утрачено полностью, — ответил Ринг с витиеватостью опытного политика. — Мы с вами кому-то нужны, эр Шелла. — И тут он внезапно сорвался: — Да идите же наконец! Или я за себя не ручаюсь!

Меня вынесло из кабинета — словно сор, подхваченный ветром — и донесло до лестницы, по которой мы поднимались. Здесь отказали ноги. Обеими руками хватаясь за перила, я с трудом сползла на один марш, посидела на ступеньке, набираясь сил. Я больше его не увижу! Вот горе...

Муж встретил меня в холле, у входа в ресторан. Был он взъерошенный и злой.

— Отпустили? — процедил Эд. — Я уж думал: арестовали как эршелку. Все, кончено. Прекращай маскарад, на Доминику ты летишь в человеческом виде. Да-да, вот это самое кривлянье и прекращай. Вон там по коридору — салон красоты, отправляйся, крась волосы, смывай лак с ногтей, снимай свои линзы с подсветкой, будь они неладны. Хватит пугать людей и меня позорить. Эршелка недоделанная! На проститутку ты похожа в таком виде, поняла? И никакой Шеллой

представляться больше не будешь. У тебя есть нормальное имя.

Он застал меня врасплох: оскорблений я не ожидала. И от неожиданности вышла из себя. Камни лла больно ужалили, я окуталась их зеленым сиянием. Еще чуть-чуть — и зеленая молния ударила бы в Эда.

Он отпрыгнул, бледнея. Глаза — в пол-лица, губы — цвета серого пепла, из горла вырвался придушенный писк.

Опомнившись, я огляделась. В холле пусто, здесь никто не видел моей вспышки. Разве что в коридоре мелькнула чья-то фигура, но это было довольно-таки далеко, и тот человек уже ушел. Нет, он тоже ничего не видел... я надеюсь.

Сияние камней под серебряной оплеткой погасло. Наверное, погасли и мои глаза.

Эд выставил перед собой руки с растопыренными пальцами, словно я была сама смерть.

— Уйди, — просипел мой перепуганный муж. — Уйди, добром прошу. Я... я никому не скажу, кто ты. Шелла, чего ты хочешь? Денег? Билет на Доминику? Я отдам. Полетишь одна и бу... будешь развлекаться. Я дам денег, много. Тебе хватит! И... и... я не хочу, чтоб тебя поймали. Я не донесу. Шелла, прекрати. Не сердись. Я не знал. Я не думал, что ты — эрш... шелла. Я не хотел тебя

оскорбить.

Он еще что-то лепетал, но я не слушала. Угораздило же меня! Оказаться женой эдакого ничтожества — нужно умудриться. А уж додуматься до того, чтобы стать его женой по обычаю эршелла... слов нет.

— Довольно, — оборвала я жалкий скулеж. — Эд, я не собиралась с тобой ссориться. До этой минуты я искренне — слышишь? — искренне полагала, будто люблю тебя. Я ошибалась.

У него задрожал подбородок.

— Ты тоже заблуждался на мой счет. Мы квиты.

Он покачнулся — видно, вообразил, что с этими словами я его убью. Струсивший мужчина отвратителен.

— С билетами делай что хочешь, я на Доминку не полечу.

И с этими словами я ушла.

Здание космопорта — круглая башня; углов в ней нет, одни закругленные коридоры. Я двинулась в ту сторону, где мне привиделся свидетель моей оплошности. Народу было мало, я встретила всего нескольких человек. Вроде бы никто из них не жаждал получить вознаграждение за мою голову. Конечно, ненужный свидетель мог уйти и сейчас где-то кому-то докладывать. С другой стороны, пока над службой безопасности царит Рональд

Ринг, вряд ли мне грозит разоблачение.

По дороге я заметила табличку:

ТУРИСТИЧЕСКОЕ АГЕНТСТВО «КЛЕМА»

путешествия на ваш вкус

Вот то, о чем толковал Ринг. И я как раз поссорилась с мужем. Что ж, пусть будет «Клема». Я зашла.

И очутилась на смотровой площадке высоко над миром. Восходящее солнце обливало красным золотом снежные шапки, в узких долинах еще спали синие тени. Склоны были исчерчены белым — из-под ледников бежали пенные горные речки. Прохладный ветерок принес свежесть и терпкий аромат трав и цветов.

— Приветствую вас, госпожа, — раздался вежливый, в меру радушный голос.

Иллюзия горной страны поблекла и отодвинулась, превратившись в панорамный пейзаж на стенах, дуновение ветра стихло, вместо каменной площадки под ногами появилось напольное покрытие «под камень».

Возле стены стоял низкий столик с двумя креслами; из одного кресла поднялся сотрудник агентства.

— От всей души приветствую вас на Клементине, — проговорил он, слегка

поклонившись.

Измененный . Лугаш: блестящая зеленоватая кожа, которую не берут морщины даже в глубокой старости, круглые голубые глаза, несоразмерно большая, для его скромного роста, абсолютно лысая голова, и на удивление изящные, девичьи кисти рук. В этих нежных с виду руках таится невероятная сила; я сама видела, как один совсем юный лугаш отобрал у пьяного космодесантника боевой лучемер и с легкостью переломил ствол.

— Мирон Маррон, к вашим услугам.

— Шелла Эрш, — назвалась я. — А также Полин Натали Сукк, в замужестве Мур.

Лугаш снова поклонился, взгляд прошелся по мне и сделался задумчив.

— Похожа на эршелла, правда? — я изобразила гордящуюся собой дурочку. — У меня и глаза могут светиться. Хотите, покажу? — Обычно этот номер срабатывал: люди теряли интерес к моей истинной природе, и мужчин занимала только моя эффектная внешность, а женщины скучнели.

Мирон Маррон усмехнулся, лысая голова изумрудно блеснула.

— Свечением глаз вы меня не уди... — он запнулся, потому что за моей спиной открылась дверь. — Прошу прощения, эр Шелла; присаживайтесь. Иди, иди, не сейчас! — Лугаш

замахал своими девичьими ладошками, пытаюсь выпроводить нового посетителя.

Я обернулась.

Посетитель уходит не собирался.

У *измененных* внешность обманчива, легко ошибиться. На вид я ему дала бы лет семнадцать, но он наверняка был старше. Тонкий, как тростинка, легкий, как сухой лист, быстрый, как нападающая змея. Стоило глянуть в его блескучие льдистые глаза — и в них мерещились стальные клинки.

Худое лицо явно не знало улыбки, темные брови были хмуро сдвинуты. Длинная челка добавляла сумрачности взгляду, и даже юношеский пушок на верхней губе не казался трогательным — настолько суровой была складка твердого рта. И еще: у меня побежали мурашки от ощущения грозного пламени внутри незнакомца. Ненависть, вот что это было такое. Ненависть и бесповоротная решимость убивать.

Я редко пугаюсь людей. Обычных могу и сама припугнуть, а с *измененными* чаще всего можно договориться. Но этот — этот был опасней взбешенного эршелла.

До сознания дошли слова лугаша:

— ...представить вам нашего сотрудника: Лэй Дивэн Ник-кун, его все зовут просто Лэй. Он работает проводником на горных маршрутах. Он —

из Воинов Скал.

Я пробормотала приветствие. Воины Скал? В жизни о них не слышала. Необдуманно выскочив замуж, я впервые изменила своим обычаям, сдуру положившись на Эда: он сам планировал наше свадебное путешествие, сам все узнавал про Клементину и Доминику и рассказывал мне, что считал нужным. В результате моя голова была полна бесполезных сведений о Доминике, на которую я уже не собиралась, а по Клементине — блистательная пустота.

Тем временем Мирон Маррон повернулся к проводнику:

— Лэй, давай решим твой вопрос позже.

— Не надо, — отрезал Воин Скал; в голосе прозвенела боевая сталь. — Я не беру отпуск, а веду по маршруту эту леди.

У меня отнялся язык и ноги. Не в силах стоять, я села в кресло. Плюхнулась, если угодно. Не знаю и знать не хочу, по какому маршруту можно идти с... с таким убийцей.

Лугаш радостно всплеснул своими девичьими ручками:

— Ох! Ну, уж ты меня утешил, голубчик! Эр Шелла, Лэй — один из лучших наших сотрудников, вы можете на него целиком положиться. И маршрут я предложу прекрасный, не пожалеете. Вот, извольте посмотреть...

Он проворно уселся во второе кресло и пробежался пальцами по вмонтированной в столешницу клавиатуре. На стенах поплыли новые пейзажи, Мирон Маррон забормотал, что-то объясняя, однако я не слышала ни слова. И дар речи не возвращался, хоть плачь. Но мне надо ему сказать, что я никуда — ни с кем — не собираюсь. Я всего лишь хочу снять номер в отеле... в самом центре столицы... и никаких горных проводников мне не нужно!

— Эр Мирон, оставьте, — оборвал его бормотанье Лэй-Воин. — Я сам все объясню эр Леди по дороге.

— Леди зовут эр Шелла.

— Мне лучше знать, — высокомерно бросил проводник.

— Как скажешь, — охотно уступил лугаш, изумрудно поблескивая лысым черепом. — Эр Леди, вам удобно оплатить маршрут прямо сейчас?

Я замотала головой, отказываясь платить и вообще отказываясь от обоих этих сумасшедших. Мирон Маррон назидательно поднял маленький изящный палец; я недавно видела похожий жест. Рональду Рингу он удался лучше.

— Эр Леди, не стоит спорить с проводником. Его задача — понимать, что нужно клиентке...

— Я сам все объясню, — опять прервал лугаша Лэй. — Потом. Эр Леди, вы готовы?

Идемте.

Не припомню, чтобы кто-нибудь столь бесцеремонно мною распоряжался. И чтобы я подчинялась. Но Лэй-Воин, этот горящий ненавистью убийца, чем-то меня подкупил. Даже знаю, чем: своей внутренней силой, бешеным огнем души. И еще тем, как ловко дал мне новое имя.

Мы вышли, дверь «Клемы», *путешествий на ваш вкус*, закрылась. Тут ко мне и дар речи возвратился.

— Вы спятили? — осведомилась я не слишком любезно. — Что вы себе позволяете?

Неуловимым движением он оказался впереди, преграждая мне путь. Льдистые глаза впились в лицо, боевая сталь в голосе звякнула приглушенно:

— Я видел вашу ссору с тем человеком. Он на вас донесет.

— Ошибаетесь: не донесет. Эд обещал.

— Донесет, — заявил Лэй убежденно.

— Нет.

— Хорошо, — внезапно проявил он покладистость. — Сделаем так, чтобы не донес.

Миг — и он уже оказался далеко впереди, а мне пришлось догонять чуть ли не бегом.

— Лэй! Вы и впрямь с ума спятили!

Я думала его остановить, схватила за руку, но он выскользнул из моих пальцев, словно вода или туман. Промчался по коридору, свернул на

служебную лестницу и ринулся по ступеням вниз. Я и сама неплохо бегаю, но Воин Скал не бежал — летел, стремительно и бесшумно, как ночной хищник. Я безнадежно отстала, однако на первом этаже он меня дождался, и дальше мы зашагали бок о бок.

Я искоса поглядывала на его худое, суровое и очень юное лицо. Внутреннее пламя грозило обжечь. Кого может так сильно ненавидеть этот Воин?

— Эр Леди, — заговорил он, — как сказал эр Мирон, работа проводника — понять, что вам нужно, и обеспечить это на маршруте.

Я фыркнула, памятуя о запрете брать на маршрут мужей:

— Интимные услуги входят в список?

— Не входят, — сталь в голосе прозвенела надменно и холодно. — И первое, что нужно, — обеспечить вашу безопасность.

Через служебную дверь мы вошли в зал регистрации пассажиров; здесь же находились кассовые терминалы и модные нынче стойки с живым персоналом. В зале уже собирались те, кто, в отличие от меня, намеревался лететь на Доминику. Я огляделась, высматривая Эдварда. Возможно, брошенный муж отправляется на планету-сказку, чтобы утешиться там с местными затейницами?

Брошенный муж и впрямь оказался в зале, в компании начальника службы безопасности Рональда Ринга. Я задохнулась от радости. Ринг! Я опять его вижу!.. Они стояли так близко к двери, что я расслышала слова, сказанные вполголоса:

— Да нет же, эр Рональд, вы неправильно поняли. Моя супруга — настоящая эршелла. Она меня чуть не убила своей смертоносной вспышкой. Я ее сильно обидел, это правда. Но если еще кто-нибудь оскорбит, могут погибнуть люди...

Опалил нестерпимый стыд. Ну как я могла не разглядеть, не понять?! Влюбилась в трусливого предателя!

— Эдвард, — окликнула я; в голосе звякнула та же хищная сталь, что и у Воина Скал.

Эд обернулся. И обмер, как будто увидел нацеленные ему в живот клинки.

— Ш-шелла? Ты с этим... уб-бийцей?! Ты рехнулась, это же Воин Скал!

Под взглядом Ринга — «Как ты могла с ним связаться? Куда ты смотрела?» — я была готова провалиться.

Неуловимым движением Лэй очутился возле Эда.

— Эр Эдвард, — мне явственно послышался шелест вынимаемого из ножен меча, — вы понимаете, что я могу сам выбрать себе врага. И в случае чего, отыщу его хоть на краю света.